

ГАЛИНА
КОЛОСКОВА

МИЛЛИОН

за мечту

СОВРЕМЕННЫЙ ИДЕАЛЬНЫЙ РОМАН

Галина Колоскова

Миллион за мечту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73488313

SelfPub; 2026

Аннотация

– Не буду тратить ваше и своё время. Сделаю предложение сразу. Я готов инвестировать в вашу кофейню. Полностью. От ремонта до закупки оборудования. Лучшее место в центре. Мои финансы, ваши – концепция и душа.

У меня перехватывает дыхание. Бесплатный сыр кладут в мышеловку. Илья резко выпрямляется в кресле.

– На каких условиях? – в голосе мужа слышится вызов.

Арсений медленно отодвигает от себя планшет и складывает руки на столе. Его взгляд скользит по мне, а потом возвращается к Илье.

– Условие одно. И оно не для бизнеса. Оно личное.

В воздухе повисает тяжёлая, звенящая тишина. Я инстинктивно вжимаюсь в спинку кресла.

– Я предлагаю сделку, – продолжает он, не отводя от нас взгляда. Но обращается не ко мне, а к Илье. – Миллион долларов. Наличными. Сразу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Галина Колоскова

Миллион за мечту

Глава 1

Катя

Я стою у плиты, перемешиваю гречку. В жидкую кашу из остатков крупы зажарила последнюю луковичку. Похлёбка, а не ужин. Но сегодня двадцать пятое, а до зарплаты ещё пять долгих дней. В крошечной кухне съёмного муравейника на окраине Москвы пахнет дешёвым растительным маслом и тоской. За спиной слышен ровный гул трамвая – вечный саундтрек. Он умолкает на несколько часов ночью, напоминая, что город живёт своей жизнью, чужой и безразличной.

– Пахнет хорошо, – обнимает меня сзади Илья, прижимаясь губами к шее.

Сильные мускулистые руки теперь постоянно в царапинах и ссадинах. Он устроился разнорабочим в сервис по ремонту автомобилей. Мечтает стать автомехаником, но пока только моет, подносит, чистит. Шёпот в ухо приносит не возбуждение, а тяжёлый вздох. – Устал и готов съесть слона.

Верю. Проклятая усталость въелась в него, как машинное масло под ногти. Ему бы сейчас слопать хороший кусок мяса,

а не это варево.

– Пахнет голодом, – откликаюсь я, пытаюсь шутить.– Ничего, скоро зарплата. Приготовить слона не обещаю, но курицу точно зажарим!

– Не, Кать, правда, хорошо. По-домашнему.

«По-домашнему» режет слух. У нас нет дома. Есть коробка в панельной многоэтажке. За неё ежемесячно отдаём половину его зарплаты. Вторая уходит на кредит за моё заочное образование и еду. Я научилась считать каждый рубль. Пять тысяч с зарплаты администратора в ближайшем кафе я откладываю в жестяную банку из-под чая, спрятанную на антресолях. Это наш «фонд».

Мы садимся за стол, который служит и обеденным, и письменным, и гладильной доской. Илья протягивает пачку денег – его очередная получка.

– Держи, хозяйка. Думал будет больше, но высчитали за разбитую фару.

Он растягивает губы в улыбке, но в глазах радости нет. Я пересчитываю купюры. Сердце сжимается. Снова меньше, чем в прошлый раз.

– Ничего, – шепчу я, больше для себя. – Ничего, Илюш. В следующем месяце повезёт.

– Конечно, повезёт! – он оживляется. Серые глаза на секунду загораются тем огнём, что был в них до переезда в Москву. – Представляешь, сегодня пригнали «Мазерати». Такой зверь! Хозяин – пацан, немногим старше нас. Говорит,

сам с нуля, на кликах в интернете поднялся. Значит, и у нас всё получится.

Он начинает рисовать наш будущий успех. Нашу кофейню. Не сетевую, а уютную, с диванами, с книгами, с ароматом свежей выпечки и моим фирменным капучино с корицей. Он будет управлять, а я – создавать атмосферу. Мы будем работать на себя. Никому не будем должны.

– И название придумал! – он хватает мою руку шершавыми, тёплыми пальцами. – «Две половинки». Как мы.

Я смотрю на его восторженное лицо. Люблю Илью так сильно, что больно дышать. Люблю за эту веру. За способность видеть свет в конце тоннеля, который мне всё чаще кажется бесконечным. Я верю ему. Но уже сомневаюсь в воплощение сказки. В Москве кроме нас ещё минимум десять миллионов мечтателей. Где на всех набраться кафешек? Вслух же произношу:

– Здорово, – и губы сами растягиваются в улыбку. – «Две половинки». Мне нравится.

Если бы в моей рациональной душе было настолько же беззаботно. Половинка чего? Счастливого билетика, который мы, кажется, уже давно проели?

После ужина, пока Илья моет посуду, я лезу на антресоли за своей банкой. Наш «фонд». Высыпаю содержимое на одеяло. Мелочь, смятые сотки, гладкие пятисотки и тысячные. Всё, что удалось собрать за три месяца. Медленно, рубль за рублём, пересчитываю. тридцать семь тысяч шестьсот два-

дцать рублей.

На кофейню нужно минимум три миллиона.

Комок подкатывает к горлу. Я сжимаю кулаки. Это не просто деньги. В них вложены наши сны, бессонные ночи, молодость, превращённая в жалкие бумажки. Это его сбитые в кровь пальцы и мои ноющие от постоянного стояния ноги.

Слышу громкий разговор Ильи за стеной. Он кому-то звонит. Голос срывается.

– Да я знаю, что просрочил! – почти кричит он. – Вы, думаете, мне делать нечего, как специально просрочивать? Скажите банку, чтобы подождал!

Кровь стынет в жилах. Я знала, что у нас долги, но не думала, что дело зашло так далеко. Он скрывал от меня. Ограждал. Как всегда...

Не выдерживаю и выхожу в комнату. Он уже сбросил вызов, сидит на краю дивана, опустив голову.

– Илья? Что случилось?

Он вздрагивает, поднимая на меня глаза. В них – паника. Значит всё ещё хуже, чем думаю

– Ничего. Ерунда. Телек включим? – пытается он уйти от вопроса.

– Илья! – получается резче, чем я хотела. – Какой банк? Сколько мы должны?

Он тяжело вздыхает и снова прячет лицо в ладонях.

– Сто двадцать тысяч, – глухой шёпот рвёт мои нервы. – По тому кредиту... помнишь, я говорил, что хочу взять на

моё обучение? Они звонят каждый день. Угрожают коллекторами.

Чувствую, как с лица сходит краска. Мне дурно до тошноты. Сто двадцать тысяч. Для нас это космические, неподъёмные деньги. Наш «фонд» – просто насмешка.

– Почему ты мне ничего не сказал? – шепчу, чувствуя, как по щекам текут слёзы. – Мы же всегда всё обсуждаем вместе!

– Не хотел тебя грузить! – он вскакивает. Любимое лицо искажено злостью, отчаянием. – Ты и так как тень стала, всё считаешь, экономишь! Я мужчина! Сам должен решать проблемы, а не вешать их на тебя!

– Решать? – восклицаю я, и накопленное за полгода напряжение вырывается наружу. – И как ты их решаешь? Тем, что прячешь?! Так они никуда не денутся! Только копятся! Меняешь одно место за другим, в то время как я хватаюсь за любую подработку. Мы тонем в долгах, Илья! Понимаешь? Тонем, а ты продолжаешь витать в облаках, мечтать о «Мазерати»!

– А что мне ещё делать?! – он с надрывом кричит в ответ. – Не с тем живёшь? Рылом не вышел, да? Не такой успешный, как те мажоры, которых ты в своём кафе видишь? Может, тебе такого надо, который с нуля миллионы делает, а не гречку по вечерам жуёт?!

Его слова быют более пощёчины. Мы никогда не позволяли себе такого прежде. Никогда! Воздух в комнате становится осязаемо густым, тяжёлым.

– Я... я не это имела в виду, – голос дрожит, не хочу скандалить. Сдаю назад, понимая, что строитель воздушных замков не готов говорить о проблемах. Голос дрожит.

– А что ты имела в виду? – он смотрит на меня с вызовом, но в его глазах я вижу ту же боль, что и у меня. Боль от бессилия.

Мы стоим посреди бедной, но когда-то любимой комнаты, как два врага. А между нами на одеяле лежат жалкие тридцать семь тысяч – осколки нашей хрустальной мечты, разбитой реальностью вдребезги.

Я не знаю, что сказать. Не знаю, как всё починить, вернуть назад. Я чувствую, что трещина, давно зреющая между нами, постепенно превращается в пропасть.

Илья первым отворачивается, хватая куртку.

– Я выйду. Подышу.

Он уходит, хлопнув дверью. Я остаюсь одна. Смотрю на захламлённую комнату, на банку с деньгами, на остывшую гречку в тарелках. И понимаю: так больше нельзя. Что-то должно измениться. Любви, самой сильной и настоящей, оказалось мало. Её съедает быт, топят долги, убивает постоянное, унижительное чувство безысходности.

Я подхожу к окну, прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Внизу, в промозглом вечернем тумане, мигают огни бесконечного города. Он огромный, бездушный и такой же холодный, как это стекло. Он давит на меня всей своей массой.

И тут мой смартфон, лежащий на столе, тихо вибрирует.

Я смотрю на экран. Незнакомый номер. Обычно я не беру, но сейчас, в состоянии полной потерянности, машинально нажимаю на ответить.

– Алло? – говорю чужим, надтреснутым голосом.

– Катерина? – произносит приятный, спокойный мужской баритон. – Меня зовут Арсений. Мы виделись сегодня в кафе. Вы обронили блокнот. Мне удалось найти ваш номер.

Я морщу лоб. Блокнот? Не помню, чтобы я что-то роняла.

– Я... не понимаю, – отвечаю растерянно.

– В вашем блокноте очень интересные эскизы, – продолжает он, не обращая внимания на моё замешательство. – Эскизы интерьера кофейни. Я владелец нескольких заведений в центре. Мне нравится ваш вкус. Хочу предложить вам встретиться и обсудить возможное... сотрудничество.

Замираю, не в силах вымолвить ни слова. Сотрудничество? Владелец заведений? Звучит как розыгрыш или сказка. Слишком неожиданно. Слишком вовремя.

– Вы... Вы кто? – наконец выдавливаю я.

Он мягко смеётся, и в его смехе нет ничего злого.

– Я тот, кто может сделать вашу мечту реальностью, Катерина. Подумайте. Я позвоню завтра.

Он сбрасывает вызов. А я продолжаю стоять у окна, сжимая в потной ладони смартфон. Гляжу широко открытыми глазами в тёмное стекло. Там, в отражении, моё бледное, испуганное лицо.

Кто этот человек? И что на самом деле он хочет от меня?

Вопросы бомбардируют измученный проблемами мозг. И у меня нет ответа.

Глава 2

За сутки до этого

Арсений

Я смотрю на панорамное окно своего пентхауса. Москва лежит внизу, как разбросанная горсть светящихся бусинок. Ночной город. Мой город. Я его завоевал, купил, отстроил. И теперь он мне отчаянно наскучил.

Совещание закончилось полчаса назад. Я оставил вице-президентов в состоянии, близком к кататонии. Разнёс в пух и прах их квартальный отчёт. Не из-за ошибок. Ошибки – это поправимо. Из-за отсутствия огня. Из-за тупого, покорного исполнения обязанностей. Они боятся меня. И в их страхе нет жизни, нет азарта. Только желание угодить и не высовываться. Как будто я тиран, а не человек, что платит им миллионы за взрывные идеи, а не за послушание.

– Арсений Петрович, машина подана, – голос помощницы выдёргивает из раздумий.

– Отменяй, – отрезаю, не в силах скрыть раздражение. – Я никуда не поеду.

Сегодняшний ужин в клубе – обязательная и пустая процедура. Всё те же лица. Те же разговоры о сделках, яхтах и молодых любовницах. Яхта у меня есть. Сделки заключаются почти без моего участия. А насчёт любовниц... Последняя, Алиса, позавчера потребовала за расставание не квар-

тиру, а долю в одном из моих стартапов. Наглость. Расчётливая, предсказуемая наглость! Я дал ей деньги и вычеркнул из жизни. Как и всех до неё.

Мне сорок пять. Не возраст дряхлого старика, как любят шептаться за спиной. Возраст расцвета сил, опыта и... полного пресыщения. Я могу купить всё, что можно измерить в денежном эквиваленте. И именно поэтому ничто для меня не имеет ценности.

Надеваю пальто, выхожу из дома пешком. Без водителя, без охраны. Иногда делаю так, чтобы почувствовать себя живым. Чаще – не чувствую ничего. Прохожу мимо своего бизнес-центра, смотрю на горящие окна. Кто-то там пашет, как проклятый, надеясь когда-нибудь оказаться на моём месте. Бедняги... Они не знают, что здесь, наверху, холодно и очень одиноко.

Ноги несут меня к «Амстердаму» – одному из моих первых заведений. Сейчас он приносит копейки, но я не продаю его из сентиментальных соображений. Здесь всё начиналось. Здесь когда-то была душа.

Захожу внутрь. Полумрак, приглушённая музыка, дорогой интерьер. Узнаю управляющего. Он бросается ко мне с подобострастной улыбкой. Останавливаю его взглядом. Сажусь в дальнем углу, заказываю виски. Просто чтобы посидеть.

И тут замечаю её.

Новенькая официантка. Не вульгарная красотка, каких

обычно нанимают в такие места. Она... другая. В её движениях нет вышколенной пластики, в глазах – заискивающего блеска. Она старательно выполняет свою работу. В данное время несёт поднос с бокалами. И в этот момент какой-то пьяный идиот встаёт и задевает её локтем.

Поднос летит на пол. Грохот бьющегося стекла режет слух. Бокалы разлетаются на тысячи осколков, похожих на мои мысли.

Девушка замирает, алая краска стыда и досады заливает красивое лицо. Её глаза широко распахнуты от ужаса. Не от страха перед штрафом или увольнением – я видел это сотни раз. Нет. Это ужас человека, для которого разбитые бокалы – не просто инцидент, а катастрофа. Потерянные деньги. Позор.

Управляющий уже мчится к ней с искажённым от гнева лицом. Я поднимаю руку, останавливая его на полпути. Он замирает, недоумевая, почему хозяин вмешивается.

Я встаю и подхожу к ней. Она не смотрит на меня, опустив голову. Худенькие плечи мелко дрожат.

– Я... я всё оплачу, – шепчет она со сдавленной паникой в голосе.

Вместо ответа опускаюсь на корточки и начинаю собирать самые крупные осколки. Я, Арсений Петрович, владелец сети отелей и ресторанов, ползаю по полу и собираю битое стекло. Чувствую на себе шокированные взгляды из зала. Мне плевать.

– Не порежьтесь, – предостерегаю и удивляюсь мягкости собственного голоса. Куда делись привычные металлические нотки?

Официантка наконец поднимает на меня глаза. Серые. Огромные. Полные слёз. В них нет ни капли расчёта, только отчаянная растерянность. Как у загнанного в ловушку зверька.

– Простите, – выдыхает она.

Ощущаю себя директором школы рядом с обиженной жизнью отличницей.

– Пустяки, – отмахиваюсь я. – Убытки спишут на мой счёт.

К досаде, при себе нет визитки. Подхожу к барной стойке, беру салфетку и пишу на ней одиннадцать цифр. Возвращаюсь к девушке. Она всё ещё стоит над осколками.

– Меня зовут Арсений, – протягиваю салфетку. – Когда передумаешь работать официанткой, позвони. У тебя потенциал для чего-то большего.

Она машинально берёт мягкий квадратный лист. Наши руки на секунду соприкасаются. Мои горячие пальцы обжигает волна энергии, исходящая от её холодных. Думаю, она чувствует то же. Бормочет:

– Спасибо, – и убегает за стойку, прячась от направленных на её глаз.

Я возвращаюсь к своему столику, допиваю содержимое стакана, и ухожу. На улице снова вдыхаю холодный воздух. И

впервые за долгие месяцы чувствую... что-то новое. Не возбуждение, не азарт. Любопытство. Да, банальное любопытство.

Кто она? Официантка с глазами, в которых ещё живёт стыд и честь. В моём мире таких уже нет. Все давно эти чувства продали. А она так искренне испугалась ответственности из-за разбитых бокалов.

Вечером, дома, я на всякий случай звоню управляющему.

– Девушку, которая сегодня уронила поднос... Катя, кажется. Не трогать. И мне нужны её данные.

– Арсений Петрович, всё понятно. Сделаем.

Час спустя у меня на столе лежит распечатка. Екатерина Белова. Двадцать пять лет. Замужем. Проживает в спальном районе. Работает администратором в кафе. Обучается на заочном на дизайнера интерьеров.

Дизайнер. Вот как. А я подумал, что ей лет восемнадцать, двадцать. Чистота помыслов консервирует тело в состоянии юности?

Открываю её социальные сети. Скромные, почти пустые. Несколько фотографий с молодым человеком. Он смотрит в камеру с вызовом. Типичный представитель поколения, которое много хочет, но не знает, как этого добиться. Они обнимаются на фоне какой-то стройки. Выглядят счастливыми. Нищими, но счастливыми.

И тут я вижу то, что заставляет сердце сделать непривычный, сбивчивый удар. В одном из её альбомов – эскизы. На-

броски интерьеров кафе, рестораничек. Талантливо. Очень талантливо. Чувствуется рука и душа.

Она мечтает о своей кофейне. А по вечерам моет полы в чужих.

Во мне что-то щёлкает. Старый, забытый выключатель. Не желание обладать. Нет. Желание... что-нибудь сотворить, поучаствовать. Если придётся – сломать. Внести хаос в её упорядоченный мирок бедности и простых радостей. Увидеть, как искрятся серые глаза от гнева, от страха, от чего угодно... Только бы не это покорное отчаяние!

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на ночной город. Впервые за много лет у меня появляется желание вести проект. Не проверить чей-то бизнес-план, не ввалить инвестиции в успешное дело. Личный проект.

Однозначно Катя не знает, кто я такой. Она видела лишь вежливого мужчину, помогавшего собирать осколки. Этого достаточно.

Завтра я позвоню ей. Под предлогом, что нашёл её блокнот. Скажу, что мне понравились её эскизы. Предложу сотрудничество.

А там посмотрим. Посмотрим, сколько стоит её хрустальная мечта. И готова ли она за неё заплатить.

Глава 3

Катя

Я боюсь откинуться в кресле, которое, кажется, стоит больше, чем годовая аренда нашей съёмной квартиры, и стараюсь дышать ровно. Кабинет Арсения Волкова огромный, стерильно-холодный, с панорамным видом на Москву-реку. Всё здесь кричит о деньгах. Тихих, старых, уверенных в себе деньгах.

Илья сидит рядом, сжав кулаки. Его нервозность витает в воздухе плотным облаком.

Арсений вальяжно устроился напротив нас. Он в дорогом, но неброском костюме. Ему около сорока пяти. В пронзительном взгляде нет ничего от развязного мажора. Там спокойная, ледяная уверенность хищника, знающего, что добыча уже в ловушке.

– Спасибо, что нашли время, – говорит ровно, по-деловому. – Я ознакомился с вашими эскизами, Катерина. Они действительно интересны. В них есть душа.

– Спасибо, – бормочу я, чувствуя, как краснею. Его похвала смущает сильнее, чем злость управляющего в баре.

– Не буду тратить ваше и своё время. Сделаю предложение сразу. Я готов инвестировать в вашу кофейню. Полностью. От ремонта до закупки оборудования. Лучшее место в центре. Мои финансы, ваши – концепция и душа.

У меня перехватывает дыхание. Бесплатный сыр обычно кладут в мышеловку. Илья резко выпрямляется в кресле.

– На каких условиях? – в его голосе слышится вызов.

Арсений медленно отодвигает от себя планшет и складывает руки на столе. Его взгляд скользит по мне, а потом возвращается к Илье.

– Условие одно. И оно не для бизнеса. Оно личное.

В воздухе повисает тяжёлая, звенящая тишина. Я инстинктивно вжимаюсь в спинку кресла.

– Я предлагаю сделку, – продолжает он, не отводя от нас взгляда. Но обращается не ко мне, а к Илье.

– Одна ночь. С ней, – он едва заметно кивает в мою сторону. – Миллион долларов. Наличными. Сразу.

Словно гиля прилетает мне в солнечное сплетение. Воздух вышибает из лёгких. Дышать не получается, пошевелиться тоже не могу. Разве я успела дать повод за пять минут, что он помогал собрать осколки стаканов? Или это пошлая шутка, розыгрыш? Но лицо Арсения абсолютно серьёзно. Он смотрит на нас как на очередной бизнес-актив, который нужно оценить и приобрести.

Илья вскакивает так резко, что его кресло с грохотом откатывается назад.

– Ты что, совсем охренел?! – дикий, неконтролируемый голос мужа гремит под сводами кабинета. – Она моя жена! Ублюдок?! Моя жена!

Он делает шаг к столу. Покрасневшее лицо искажено гри-

масой чистой ярости. Руки Ильи сжимаются в кулаки. Мне кажется, сейчас он бросится на Арсения.

Но Арсений не шелохнулся. Лишь приподнял бровь, словно наблюдая за интересным, но неопасным экспериментом.

– Я всё понял, – холодный тон замораживает. – Эмоции. Очень трогательно. Дверь за вами.

– Илья, пошли, – шепчу я, вставая. Так позорно меня ещё никто не унижал. Ноги ватные, подкашиваются. Мне нужно немедленно выбраться отсюда или остатки завтрака окажутся на полу кабинета мерзавца.

Нужно уходить, пока нас не выкинула охрана. Я хватаю мужа за руку. Он вырывается, но я снова цепляюсь за него, тащу к выходу. Илья бросает на Арсения последний взгляд, полный такой ненависти, что мне становится страшно. Рычит:

– Ты ответишь за это!

– Я всегда отвечаю за свои предложения, – парирует Арсений всё тем же спокойным тоном. – Подумайте. Оно действительно того стоит.

Мы вылетаем из кабинета, из храма цинизма и денег. Не помню, как мы спускаемся, как оказываемся на улице. Холодный ветер бьёт в грудь, но не может охладить жгучий стыд, разливающийся по моему лицу.

– Представляешь?! – Илья, тяжело дыша, останавливается посреди тротуара. – Придурок! Ублюдок! Думает, что всё можно купить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.